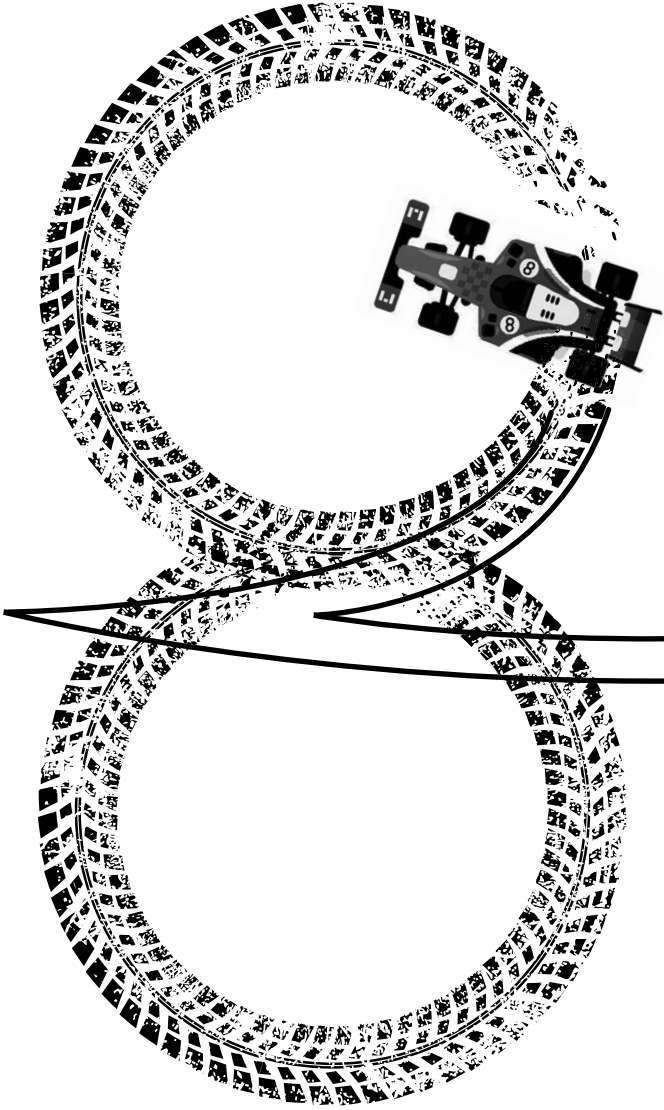

Содержание

Часть первая. НИЧТО	7
Часть вторая. НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ	93
Часть третья. ВО ВЛАСТИ ВЕЧНОСТИ	133
Часть четвёртая. ТАЙНЫ ПОСЛЕСМЕРТИЯ	175
Часть пятая. ДРУГОЙ	251

Часть первая

Ничто

Номер один

Раггио Рокка, пилот гоночного болида Формулы-1, резко повернул руль и изо всех сил вдавил педаль акселератора. Мотор заработал на предельной мощности и зажужжал, словно рой разъярённых шмелей. Из-под обтянутых толстой резиной колёсных дисков, крутящихся с сумасшедшей скоростью, раздался свист, и автомобиль развернулся в нужную сторону.

Молодой итальянец прижался к внутренней стороне трассы, ловко обошёл последнего соперника и выскочил точно перед ним, не подрезая, но и не давая возможности для манёвра. Поворот, ещё один. Впереди самый сложный из участков. А за ним — финиш.

Стоял жаркий солнечный день, но асфальт оставался ещё довольно влажным после многодневных ливней. На мокрой трассе машина вела себя нервно. Капли воды забивались между шинами и асфальтом и не давали резине как следует прилипнуть к дорожному полотну. Но красно-белый Ferrari с чёрной восьмёркой на узком капоте скользил по трассе

уверенно, легко и непринуждённо, как фигурист, ощущающий полное единение с холодной и твёрдой поверхностью льда.

Трасса резко изогнулась, но болид плавно вошёл в крутой поворот. Что-то мелькнуло в зеркале заднего вида. Гонщик не мог допустить, чтобы соперник его обошёл на предфинишном этапе.

Раггиро подумал, что стоит немного сбросить скорость перед следующим поворотом. Но это рискованно, так как другие болиды явно не отставали.

Необходимо было принять решение.

Перед глазами пронеслось далёкое, почти забытое детское воспоминание.

Раггиро учился кататься на велосипеде. Его отец, Сильвио Рокка, считал, что *трёхколёсный велосипед — это ерунда. А вот два колеса — то, что надо!* Он утверждал, что дополнительные колёса приносят только вред. И Сильвио Рокка даже не осознавал тогда, насколько он оказался прав.

— Чтобы поехать на велосипеде, — говорил отец, — самое важное — поймать момент, когда велосипед начинает заваливаться. Тогда нужно перенести вес тела на другую сторону и сразу надавить на педаль. Это всего лишь доля секунды между двумя возможными вариантами падения. Но именно тогда ты должен приложить все усилия, чтобы выровнять велосипед и вырваться из этого цикла падений. Вырваться словно птица! Раггиро, ты понимаешь, о чём я говорю?

Раггиро понимал отца. Он крепко схватился за руль и запрыгнул на сиденье. Но переднее колесо тут же предательски вывернулось, и велосипед завалился в сторону. Мальчик упал и разбил локоть. Было больно. Ещё сильнее — обидно. На глаза навернулись слёзы, но отец поднял его и сказал:

— Неудачи, сынок, неотъемлемая часть нашей жизни. Жизни каждого. Вопрос в том, как ты к этому относишься.

Мальчик протёр глаза и попробовал ещё раз. Велосипед снова упал. Вдобавок к локтю саднило теперь и колено. Но на этот раз маленький Раггиро уже не плакал. Он пытался ещё и ещё. В какой-то момент мальчик опять начал заваливаться вбок, но сумел резко перенести вес тела на противоположную сторону. И тогда он услышал крик отца:

— Жми на педали!

Раггиро нажал изо всех сил, на какие был способен шестилетний ребёнок, и... поехал!

Мальчику казалось, он разорвал цепи, что приковывали его к земле и не давали тронуться с места. Теперь невидимые клещи, которые удерживали велосипед за заднее колесо, наконец раскрылись и отпустили велосипедиста, позволив ему почувствовать всё великолепие движения. Это было потрясающее мгновение. Ощущение скорости и полёта после множества неудач. Маленький Раггиро Рокка сделал это! У него получилось вырваться из цикла падений и полететь. Как птица!

Одновременно с новыми достижениями пришли и новые ошибки. Первой из них была та же, которую в своё время совершил пресловутый Икар, взлетевший слишком высоко — туда, где солнце расплавил воск, скрепляющий перья в крыльях, сделанных его отцом, Дедалом.

Раггиро захотел почувствовать скорость в полной мере. Воспринять полёт каждой клеточкой своего тела и максимально заполнить лёгкие усиливающимися потоками воздуха. Он крутил и крутил педали. Давил на них что было мочи так же, как через много лет он будет давить на педаль

акселератора гоночного болида. Руль велосипеда ходил из стороны в сторону, виляя то вправо, то влево.

Вдруг под переднее колесо попал камень: словно юркая домовая мышь, бросился под тонкое колесо. Оно дёрнулось и повернулось в сторону, увлекая за собой руль. Велосипед завалился на Раггиро, протащив его несколько метров по асфальту.

Испуганный Сильвио Рокка подбежал к мальчику и откинул велосипед. Наклонившись к сыну, он с удивлением обнаружил на его лице счастливую улыбку.

— Неудачи — неотъемлемая часть... Да, папа? — Раггиро звонко рассмеялся.

— Неудачи — неотъемлемая часть, — повторил Раггиро Рокка спустя двадцать один год за рулём гоночного болида, летя по трассе Формулы-1 со скоростью около трёхсот километров в час.

— Но только не в этот раз, — добавил гонщик. — Не в этот раз...

Раггиро резко повернул, пытаясь не дать автомобилю соперника обойти себя. И сразу же дёрнул руль в обратную сторону, чтобы не вылететь из поворота. Только колёса болида послушно заскользили по влажному асфальту, как гонщик почувствовал удар. Краем глаза Раггиро успел заметить ещё один автомобиль, но было уже слишком поздно.

Пытаясь справиться с управлением, гонщик крутил руль, но машина больше не слушалась. Болид вылетел за пределы трассы, и колёса оторвались от асфальта. Раггиро вжало в сиденье. В лицо ударили лучи солнца, и перед глазами возник камень. Тот самый, что так любит кидаться под колёса.

«Наверное, этот маленький гадёныш каким-то образом проник на трассу», — подумал Раггиро. Тут что-то сильно ударило его сначала в лоб, а затем в затылок.

«Мышь... Это вовсе не камень, а грёбаная домовая мышь. Она просто очень похожа на камень. Маленькая каменистая мышь...»

Живот и плечо пронзила резкая боль. Во рту появился привкус крови. Гонщику показалось, что салон болида заполнился ароматом одеколона, похожего на тот, что использовал его отец. Только почему-то запах очень сильно напоминал бензин.

Дышать становилось всё тяжелее. Глаза вновь обожгли безжалостные солнечные лучи. Стало очень светло. Свет был настолько ярким, всепоглощающим, осязаемым, что Раггиро на мгновение даже показалось, что он может до него дотронуться.

Время остановилось. Окруживший гонщика свет застыл, словно не знал, что ему делать дальше. Раггиро ожидал, что вскоре свет померкнет и сгустится тьма. Она уступит место сновидениям, возможно кошмарам. Затем он поднимет веки и, скорее всего, увидит перед собой потрескавшийся потолок больничной палаты.

Но свет не исчезал. Он проникал повсюду, заполняя каждую частицу этого мира. Раггиро Рокка вспомнил Икара и его неудачу. Затем он вновь услышал слова отца: «Неудачи, сынок, неотъемлемая часть нашей жизни. Жизни каждого. Вопрос в том, как ты к ним относишься».

Раггиро подумал, что, наверное, Дедал говорил то же самое, соскребая останки своего сына с земли.

Гонщик хотел моргнуть, но не смог этого сделать. Раггиро поймал себя на мысли, что не чувствует тела. Ему показалось, будто он превратился в маленькую каменную мышь. Единственное, что ещё оставалось возможным, — мыслить.

БЕЗЫМЯННЫЕ

«Что происходит? — думал он. — Неужели это сон? Хотя не особо похоже...»

В этот момент вновь возник голос отца:

«Жми на педали, сынок!» — кричал он.

— Жму изо всех сил! — крикнул в ответ Раггиро, но слова не вырвались из его рта.

«Может, это кома? — Раггиро Рокка вновь попробовал заставить себя моргнуть, но ничего не вышло. — Чёрт, да что же происходит?!»

«Жми на педали!» — прокричал отец.

— Да жму я! Жму! — резко откликнулся гонщик.

Мысли начали путаться. Вновь перед глазами появился камень. Из него торчал длинный мышинный хвост. Но он тут же куда-то исчез. Мимо пролетали гоночные болиды, а сидящие в них пилоты крутили велосипедные педали.

В голове проносились мысли о том, что с ним могло произойти. Но они появлялись и исчезали так быстро, что гонщик не поспевал за ними. Одна сменялась другой и, не задерживаясь, уступала место следующей. Мысли сталкивались, цеплялись друг за друга и вновь разлетались. Большую мысль сменяли сотни маленьких. На мгновение они соединялись между собой и снова распадались. Ни одной из них не удавалось задержаться надолго. В голове образовался хаос. Всё стало сумбурным, бессвязным. Тут же окружающий Раггиро свет начал тускнеть. Становилось всё темнее и темнее, пока не наступила полная чернота.

Бесконечно чёрное и абсолютно пустое пространство.

Ничто.

* * *

— *Приветствую тебя, Номер Один.*

Слова неожиданно возникли в сознании. В тот же миг внутренний хаос прекратился, будто его никогда и не было. Мысли смущённо замерли и поспешно разбрелись по своим местам, словно разыгравшиеся дети, которые не сразу заметили вошедшего в класс учителя. Раггиро почувствовал спокойствие и умиротворение. Наконец этот назойливый камень-мышь, что устроил безумную панику в голове, оставит его в покое. Теперь он далеко от всякой суеты. Раггиро не знал точно, где именно, но ощущал, что достаточно далеко.

«Номер Один? — с нотками иронии подумал гонщик. — Это утешает...»

— *Утешает?*

Вопрос сам по себе возник в его сознании.

— Ну да, — мысленно ответил Раггиро, — по крайней мере, я всё же первый.

— *Первый...*

— Кто со мной говорит?

— *Это неважно.*

Гонщику показалось, что последние слова невидимого собеседника он уже чётко слышит, а не воспринимает неведомым телепатическим образом.

Голос напоминал человеческий, но при этом не был похож на голоса, которые молодому человеку приходилось слышать. Раггиро Рокка не мог определить, откуда голос исходит. Иногда слова незнакомца напоминали доносящееся издали эхо, а через мгновение его речь звучала так отчётливо, будто собеседник находился совсем близко.

— А что же тогда важно? Это всё сон?

— *Не сон, Номер Один. Смерть...*

Раггиро показалось, что последние слова прозвучали сквозь ухмылку. Гонщик хотел было что-то сказать, но осёкся. В голове вновь раздался голос из детства: «Вопрос в том, как ты к этому относишься...»

На этот раз Раггиро показалось, что отец над ним издевается.

— Как я к этому отношусь?! Я умер, папа! Я труп, размазанный внутри болида! С распоротым животом и пробитой головой!

Гонщик ощутил, как в нём закипает злость и, подобно бурлящей лаве, стремительно растекается по сознанию.

— Этого не должно было произойти! Я не могу вот так взять и умереть!

Ответа не последовало. Повисшая тишина была густой и осязаемой.

— Какого чёрта?! Я ещё должен жить! Я могу жить! И могу закончить этот турнир! У меня действительно отличные шансы на победу!

— *Это причина твоей смерти...*

— Да плевать я хотел на причины! Я слишком много сделал, чтобы выиграть эту гонку, и не собираюсь тормозить! Меня это не остановит! Ничто не остановит, даже смерть! — с раздражением парировал Раггиро. И затем уже более спокойно обратился к отцу, словно тот мог его слышать. — Ну, как тебе это, папа? Теперь ты доволен?

— *Ничто не остановит... Даже смерть...* — отозвался голос из черноты.

В действительности Номер Один понимал, что его возмущение вряд ли что-то изменит. В сущности, изменить вообще ничего нельзя. Порой лишь предоставляется шанс устранить последствия того, что уже случилось, или же просто скрыть их. Но прошлое нам неподвластно. А раз так, почему бы не дать выход гневу? В любом случае самое ужасное, что могло произойти, свершилось.

— Даже смерть! — подтвердил Раггиро.

— *И что ты собираешься делать, Номер Один?*

Этот вопрос застал гонщика врасплох. Он не знал на него ответа. Внезапно ему стало безумно страшно. Возможно, оттого что в абсолютно чёрном, безграничном и пустом *Ничто* невидимый собеседник задал самый обыкновенный вопрос. И только тогда всё происходящее для Номера Один стало реальным. Он осознал, что действительно попал в аварию и погиб. Понял, что это смерть. Но не та метафизическая смерть, которую он себе представлял: ожидающая где-то в далёком-далёком будущем, которое, быть может, и вовсе не наступит. Это была не смерть в облике старухи с косой. Не в преисподней, означающей нескончаемые муки.

Сама по себе смерть вообще не казалась страшной. Она предстала в образе простого осознания. Осознания конца. Безысходного, неминуемого и... наступившего. Она пугала не тем, что произошло, а тем, что больше ничего не произойдёт.

— *Не обязательно так,* — возразил невидимый собеседник. Он внимательно следил за каждой мыслью Раггиро. — *Это не обязательно конец...*

— А что тогда?

— *Зависит от того, чего ты хочешь, Номер Один...*

БЕЗЫМЯННЫЕ

Раггиро показалось, что теперь незнакомец говорит голосом отца.

Голосом Сильвио Рокка, который оставил маленького Раггиро одного в большом мире с теми наставлениями, что успел передать.

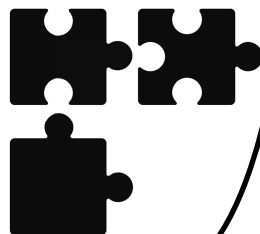
«Жми на педали, сынок!» — тут же выкрикнул Сильвио Рокка из глубин сознания. Он словно пытался предостеречь сына. У Раггиро создалось впечатление, что отец хочет добавить ещё что-то, но мысли прервал голос незримого собеседника. Теперь он больше походил на детский.

— *Так чего ты хочешь, Номер Один?*

Гонщик задумался и ответил:

— Я хочу жить.

Номер два

Темнота, а точнее, похожая на смолу чернота, подбиралась со всех сторон. Сначала она осторожно, как пугливый зверёк, дотрагивалась до кончиков пальцев ног, но в следующий миг ринулась вперёд. Мир погрузился во мрак.

Он не мог двигаться и не был способен мыслить. Чернота застала его врасплох. Нахлынула без предупреждения и безжалостно затянула в свои вязкие, удушающие объятия. Всё привычное и в какой-то степени неизменное, что мы ощущаем в каждом мгновении, безвозвратно скрылось в тихих и мутных водах реки забвения.

— *Приветствую тебя, Номер Два.*

Слова появились из ниоткуда. Не прозвучали в черноте, а возникли в сознании и сложились в предложение.

Разум заработал: «Меня приветствуют. Значит, есть я. Я существую. И существует некто, приветствующий меня. Я Номер Два. Вероятно, есть ещё кто-то. Иначе какой смысл давать мне номер? Два. Судя по всему, второй».

Разум анализировал слова, возникшие в черноте. Он извлёк из них всю возможную информацию, и появились первые вопросы: «Где я? Как я здесь оказался?» Мысли Номера Два не остались без внимания. Ответ пришёл незамедлительно.

— Ты нигде. Ты мёртв.

Слова, как и в первый раз, возникли сами по себе. Разум Номера Два ухватился за них.

«Я мёртв. И теперь, после смерти, пребываю здесь, в черноте, где ничего нет. Я в *Нигде*... Я в *Ничто*, которое находится *Нигде*. Так, не это самое важное... Я умер, а значит, когда-то был живым...»

Разум Номера Два собрался с силами и обратился к памяти. Вначале она не отвечала, но вскоре в черноте что-то промелькнуло. Затем ещё, вновь и вновь. Всё чаще и чётче. Образы проявлялись как фотоснимки и сразу растворялись. Номер Два не мог понять, возникают эти воспоминания в глубинах его сознания или *Ничто* выставляет их на всеобщее обозрение. Однако это не имело значения, так как больше здесь никого не было.

Воспоминания оживали постепенно. Сперва появились совсем смутные образы, постепенно они становились отчётливее и ярче. Номер Два открывал для себя информацию, затаившуюся в недрах памяти.

«Я был живым организмом... На планете Земля... Да, всё верно. Я имел тело, мог передвигаться на двух нижних конечностях... Я помню кисти своих рук и пальцы. Один из них сильно отличался от остальных. Я был животным? Приматом?.. Я был... человеком!»

Это знание распахнуло тяжёлые шлюзы памяти, и воспоминания хлынули мощным потоком. По мере их прибывания разум восстанавливал утраченную информацию: имя, пол,

национальность, возраст, характер, профессию, интересы. Номер Два окунулся в пучину памяти и теперь изучал её содержимое. В ней сохранилось бесчисленное множество лиц, вещей, чувств и переживаний.

Перед Номером Два открылось окно. Хотя, правильнее сказать, зеркало. Только оно не имело границ ни в пространстве, ни во времени. Зеркало было бездонным и бесконечным, как само *Ничто*.

В зеркале возникли сотни, а то и тысячи отражений. Они выстроились в ряд. Номер Два видел младенцев, мальчиков, юношей, мужчин. И все они были одним и тем же человеком, имели одно имя. Разум напрягся...

Пауль Леманн!

Имя, которое он слышал на протяжении всей жизни. Как же часто оно звучало! В этот момент к Номеру Два пришло осознание важности этих двух слов. Того, как много это имя значит.

Пауль Леманн!

Номер Два ощутил, что имя ни в коем случае нельзя здесь произносить. Помнить — да. Говорить — нет. Что-то подсказывало это. Но что?

Пауль Леманн. Так его называли родители Штефан и Сабина Леманн. Номер Два тут же увидел их в зеркале. Оно удивительным образом отражало каждую его мысль. Пауль видел родителей такими, какими он их запомнил. Не молодыми и не старыми. Их внешность никогда для него не менялась. Они оставались одинаковыми всегда, с момента его рождения и до смерти каждого из них.

Затем в зеркале появилась его жена Урсула, ушедшая из жизни несколько лет назад. На её круглом лице была

улыбка, а на щеках блестели капельки слёз: то ли от радости, что она вновь видит мужа, то ли от печали, потому что он теперь тоже здесь.

Тем временем в зеркале замелькали комнаты, дома, улицы, парки и города, которые когда-либо посещал Пауль. Он мог поклясться, что зеркало не пропустило ни единого места на планете, в котором ему довелось побывать, включая переулки, подъезды и даже туалеты.

Память больше не была глубоким колодцем, дно которого скрывалось под непреодолимой толщей чёрной воды. Теперь она воспроизводила самые давние и даже самые сокровенные воспоминания. В зеркале возникали давным-давно забытые моменты жизни, которые, казалось, исчезли в глубинах подсознания.

Перед Паулем оживали люди. Огромное количество людей, что когда-либо ему встречались. Не только близкие и знаменитости. Бесчисленное множество незнакомцев, на которых случайно падал взгляд Номера Два, когда он шёл по улице или ехал в метро, сидел в самолёте или обедал в ресторане.

Пауль видел свой родной город Мюнхен. Людей, которые приходили в его жизнь и уходили. Теперь он отчётливо понимал, кто оставался с ним с первых дней знакомства, а кто пропадал так же внезапно, как и появлялся. Он с интересом смотрел на них, в разные моменты приходивших в его жизнь. Пауля поразило количество людей. Как много тех, кого он забыл. Они появлялись в зеркале, смотрели на него и улыбались, а затем растворялись в черноте, уступая место следующим.

Номер Два думал, что от такого объёма информации его рассудок должен помутиться, но этого не происходило. Словно, освободившись от тела, Пауль обрёл сверхчеловеческие способности.

У Номера Два возникло ощущение, что вся его жизнь проходила как в тумане, будто он всё время был пьян. Причём настолько, что зачастую не мог вспомнить элементарных вещей. Например, куда он положил мобильный телефон или кому обещал перезвонить.

Теперь он вспомнил всё. Каждую вещь, которую он когда-либо видел или которой касался. Каждую мелочь, на которую случайно бросал взгляд. Он теперь точно знал, куда и зачем клал предметы. Номер Два помнил каждый телефонный разговор в мельчайших подробностях. Он помнил всё и всех. Каждое мгновение своей жизни. Каждую эмоцию. Каждое движение. Каждый вздох.

И вот память подошла к финальной точке. Номер Два увидел свою смерть. Сорок четыре года. Инсульт.

Все эти воспоминания пронеслись в сознании Номера Два, и в гигантском зеркале осталось одно-единственное изображение... То, которое с самого начала не давало покоя. Вызывало холодное и липкое чувство тревоги. Небольшая искра волнения вспыхнула, пламенем испепеляя мысли. Все, кроме одной.

В зеркале Пауль видел своих детей. Детей, которые остались там, откуда он пришёл. Вернее, откуда его забрали. Или даже вырвали с корнем.словно растение.

Йонас, Миа и Финн.

В зеркале за столом делал домашнее задание девятилетний мальчик с копной рыжих волос. Рядом на диване худенькая шестилетняя девочка играла с любимыми куклами, которых Пауль знал по именам. А на полу сидел четырёхлетний ребёнок. Он улыбался и махал отцу рукой.

Они были здесь. Прямо перед ним. Так близко, что создавалось впечатление, будто до них можно дотянуться. Обнять

и прижать к себе. Пауль попытался сделать движение в их сторону, но ничего не вышло. Номер Два почувствовал себя так, словно он оказался в музее. *Смотреть можно, но трогать воспрещается!*

Будто издеваясь, зеркало откликнулось на мысли Номера Два. Рядом с детьми появилась музейная табличка с надписью: «*Просьба экспонаты руками не трогать*». Дети продолжали заниматься своими делами. Маленький Финн по-прежнему радостно махал отцу рукой.

Если бы Номер Два обладал телом, он бы, наверное, почувствовал, как учащается сердцебиение, на глазах выступают слёзы, а кисти сжимаются в кулаки. Если бы здесь была дверь, Пауль стал бы изо всех сил колотить по глухому деревянному полотну, чтобы вышибить её.

Но никакой двери в *Ничто* не существовало. А у Номера Два больше не было ни тела, ни имени, ни пола, ни национальности... Осталось лишь отчаяние. Тяжёлое и неиссякаемое. Полное горечи и боли. Это было не просто отчаяние. Это были вопль и мольба, которые летели в бесконечной темноте *Ничто* и эхом раздавались в пустоте. И пустота ответила.

— *Чего ты хочешь, Номер Два?*

На этот раз голос прозвучал откуда-то со стороны. Невозможно было понять, кому он принадлежит: мужчине или женщине. Да и вообще, человеческий ли он. Голос был неживым. «Искусственный», — именно это слово пришло на ум Паулю.

— Мне нужно вернуться обратно!

— *Это невозможно.*

— Я нужен своим детям!

ИГОРЬ ОЗЁРСКИЙ

— ...

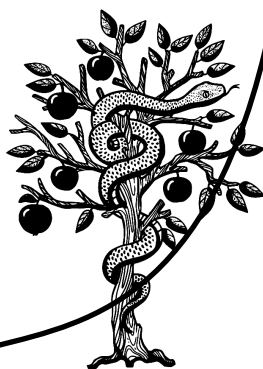
— Я должен! Должен вернуться!

— *Смерть есть смерть. После неё уже нет обязательств.*

— У меня есть! Кем бы вы ни были, помогите мне! Верните меня! Я умоляю!

Снова наступила тишина, хотя она никуда и не уходила, ведь тишина извечно обитала в *Ничто*. Номер Два терпеливо ждал, когда чернота даст какой-либо ответ, но ничего не происходило. В это время в зеркале Миа бросила своих кукол и теперь вместе с Финном сидела на полу и собирала пазл. Старший брат, Йонас, наблюдал за их развлечением. Номер Два присмотрелся к пазлу. Все его кусочки были одинаково чёрными...

Номер три

Это походило на небольшое уличное представление. Словно все эти события кто-то тщательно спланировал.

Всё произошло быстро. Настолько быстро, что Болли Блом ничего не успел предпринять. Камень выскочил из-под ноги и умчался прочь в тот момент, когда пальцы ещё не успели найти опору. Надежда оставалась только на страховку, но она подвела. Болли точно в замедленной съёмке видел, как из кирпичной стены вылетел крюк и устремился вниз. За ним, извиваясь, будто змея, заскользила страховочная верёвка. Старая каменная кладка обвалилась, и поблизости не оказалось ни одного выступа, за который можно было бы ухватиться.

Болли показалось, что кто-то изо всех сил дёрнул его за ноги. Внутренности сжались и превратились в одно пульсирующее от страха целое. В мгновение ока окружающий мир распался. Он потерял чёткие очертания, приняв образ абстрактной живописи. Холод пронзил живот и лёгкие, а сознание заполнил гулкий свист.

Подобно лавине обрушилась тишина. Навалилась всей своей мощью, заполнив пространство и время. Она была очень тёмная, густая, с еле различимым багровым оттенком.

Тело разлетелось на множество осколков. То же самое произошло и с мыслями. Разбитое и искалеченное сознание очутилось в непроглядной тьме, которая оказалась липкой, вязкой и отдалённо напоминала желе.

Чернота поглотила всё, что хоть немного напоминало о существовании мира: звуки, запахи и цвета. В этом бесконечном чёрном пространстве не осталось ничего. Это уже даже нельзя было назвать пространством. Ибо это место, нигде не начинающееся и нигде не заканчивающееся, в сущности, являло собой абсолютное *Ничто*.

Разум попытался собрать осколки мыслей. Как осьминог, он раскинул во все стороны свои длинные щупальца и старался отыскать обрывки информации, чтобы соединить их. Разум работал изо всех сил, но безрезультатно. Все кусочки памяти канули в небытие.

Ничего не происходило. Стояла абсолютная тишина. Прошла минута, другая. Разум старался уловить течение времени, но не мог. Слово оно остановилось или исчезло во все. Разум не мог понять, как долго он уже здесь находится. Секунды, месяцы или столетия?

В какой-то момент черноту, точно метеориты, пронзили слова:

— *Приветствую тебя, Номер Три.*

Эти четыре слова что-то изменили. Они будто запустили неведомый механизм. Из-за него *Ничто* пришло в движение. Будто со словами в пустоту проникло время.

Разум с жадностью проглотил полученную информацию и стал её анализировать. Возник первый вопрос:

— Вы Бог?

— *Можешь называть как угодно, Номер Три...*

Голос, раздавшийся в уме, прозвучал отчётливо. Но что-то в нём настораживало. Он был неестественным... Будто каждое слово с трудом выдавливалась из себя гигантская змея, затаившаяся где-то поблизости.

Змея...

Было в этом что-то безумно знакомое. Знакомое и пугающее.

— Где я?

— *Нигде*, — ответила змея.

— Кто я?

— *Что тебя интересует? Вид? Пол? Раса?*

Речь невидимого собеседника вызывала страх, но разуму нужна была информация. Чтобы восстановить память, необходимо продолжать диалог, хотя инстинкты во всю мощь трубили, что делать этого ни в коем случае нельзя.

— Имя! Мне нужно знать моё имя!

— *Это можешь сказать только ты сам. Но пока рано его называть...*

Разум напрягся изо всех сил. «Имя... Болли Блом! Вот оно! Точка опоры... Но что означает “рано его называть”?»

Тем временем имя помогло оживить воспоминания. Они стали проноситься словно слайды. Вначале медленно. А затем всё быстрее.

Номер Три увидел свой дом. В нём ещё жили его родители, пока не умерли. Небольшой, двухэтажный, с просевшей

черепицей и выцветшими стенами, по которым расплзлась сеть трещин.

Значительное место в его воспоминаниях занимал Тронхейм. Город, в котором Номер Три родился. И в котором он умер.

Быстро и незаметно пронеслись воспоминания о школе, которую Болли Блом окончил с трудом. Первые выкуренные сигареты, поднятые руки одноклассников, укоризненные взгляды учителей.

Затем он увидел места, где он работал: складские помещения уступали место сторожевым будкам, кабины грузовиков — придорожным закусочным.

В одной из них Болли проработал дольше обычного. Он даже увидел людей, которых мог бы назвать друзьями. «Без горчицы, Болли! Слышишь? Никакой горчицы!»

Старые, давным-давно пережитые эмоции внезапно ожили. Номер Три вновь ощутил то разочарование, когда закусочную закрыли из-за каких-то нарушений. Тогда Болли опять пришлось искать работу.

Идеальным вариантом оказался ресторан быстрого питания. В нём Болли начал карьеру в роли уборщика, затем стал поваром, а в последние месяцы был повышен до кассира. «Спасибо, что без сдачи!»

Слайды побежали дальше. Болли не задержался надолго в «ресторанном бизнесе». Он решил искать себя в других сферах. Некоторое время работал грузчиком, затем курьером, а на пике своей карьеры стал строителем.

Воспоминания не просто восстанавливали хронологию событий — они возвращали опустошённому и обезличенному сознанию индивидуальность. Словно на белом холсте

начинал проявляться образ человека. И чем больше Номер Три углублялся в воспоминания, тем отчётливее становился его портрет.

Болли был невысоким и крепким мужчиной с внушительным размахом плеч. Он выделялся непропорционально длинными и мускулистыми руками с толстыми массивными пальцами. Черты лица, грубые и несимметричные, были словно неумело высечены из камня скульптором-новичком. Значительно выступал вперед мощный квадратный подбородок, а небольшие раскосые глаза были посажены глубоко и далеко друг от друга. Из-за многочисленных драк нос сильно искривился, а высокий лоб украшала парочка тонких шрамов: их не могли скрыть коротко подстриженные светло-русые волосы.

«Против Блома нет приёма, если нет другого Блома», — шутили его приятели.

Длинные и запутанные лабиринты памяти, по которым блуждало сознание Номера Три, привели Болли к одному из воспоминаний.

Он очутился в баре, в котором прослыл завсегдатаем. Это был один из тех вечеров, когда Болли вначале молча пил пиво, а захмелев, влезал в чужие разговоры. Этот вечер Номер Три хорошо помнил ещё при жизни и время от времени мысленно к нему возвращался.

Когда очередная кружка пива подошла к концу, Болли Блом решил вступить в один из споров, который всю кипел рядом. Несколько посетителей обсуждали учебные заведения. Болли окликнул мужчин и начал излагать им свои мысли по этому поводу:

— Знаете, на самом деле плохо, когда есть это... высшее образование! Вот, допустим, выучился ты на кого-то...

Ну, например, э-э... на юриста или там инженера. И всё! Ты либо юрист, либо инженер. И эти люди не знают ничего, кроме того, что типа выучили в институте. Этим они сами себя ограничивают. Их жизнь скучна и однообразна! Зато я вот могу заниматься чем угодно! Например, готовить. Я имею в виду не так, чтобы просто готовить дома яичницу, а по-настоящему! Я был поваром в ресторане...

Без горчицы, Болли! Слышишь? Никакой горчицы!

— Я и продавать могу! Любой товар! Вообще, продажи — это моё! В своё время я был довольно сильно в этом задействован! Да, задействован в этом бизнесе! И, надо сказать, у меня неплохо получалось!

Спасибо, что без сдачи!

Обычно такие посиделки заканчивались одинаково. Кто-нибудь из подвыпившей компании (обычно тот, кто первый раз видел Блома) начинал подшучивать над ним. И когда до Болли доходило, что над ним смеются, начиналась драка.

Надо отметить, дрался Болли Блом неплохо. И от этого у него часто возникали проблемы.

В тот вечер в баре оказался какой-то иностранец. То, что посетитель не местный, стало ясно, когда он делал заказ. Мужчина хоть и говорил на норвежском, но с сильным акцентом и ошибками.

Это отвлекло Болли от рассказа о своей профессии, и он решил заказать себе ещё пива. Мужчины, беседу которых он прервал, вздохнули с облегчением.

Иностранец выбрал тёмное пиво. Вроде бы «Гиннесс». Когда бармен принёс кружку, мужчина одним долгим глотком осушил её и попросил повторить.

Гость оказался общительным. Сложно было понять, сказывалось ли выпитое пиво или он был таким по жизни. Завсегдатаи бара приняли его радушно. По большей части оттого, что им надоело слушать повторяющиеся изо дня в день истории друг друга.

Иностранец долго рассказывал, откуда он начал путешествие и как оказался в Тронхейме. Болли не особо разбирался в географии, поэтому не понял, о какой стране говорил иностранец. Но слушал его внимательно. Что-то заинтересовало Болли в этом человеке.

На вопрос одного из посетителей, чем тот занимается, иностранец ответил, что раньше был священником. Это заявление вызвало всеобщий интерес. Разговор перешёл на религиозную тему. Так вышло, что посетители бара в подавляющем большинстве были людьми неверующими. И как свойственно иным неверующим людям, они хотели убедить в своей правоте верующего.

— А что ты думаешь о первых людях? Об Адаме и Еве? Ты считаешь, что они существовали на самом деле? — спрашивали уже порядком захмелевшие мужчины, даже не стараясь скрывать улыбки.

Иностранец смотрел на них спокойно и отвечал с сильным акцентом, будто не замечая, что над ним подтрунивают:

— Существовать? О, да! Бог помещать Адама в саду и предупредить не есть плод Древа Познаний Добра и Зла, ибо в день, в который он вкусит этот плод, он будет умирать.

Акцент иностранца и его ошибки в простейших словах веселили слушателей ещё больше.

— Тогда Змей искушает Ева, — продолжал иностранец, игнорируя смешки, — чтобы она вкушать от древа. Но Ева говорить Змею, что сказать Бог. Змей отвечать ей, что она не умрёт.

Змей говорить: «Ваши глаза должны быть открыты, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Ева ест плод и даёт его Адаму. И он тоже ел. Бог всё узнать об этом. Чтобы предотвратить Адама и Еву от еды плод Древа Жизни и жить вечно, он изгоняет их. Змей тоже наказан за участие в их падении: обречён вечно ползать на брюхе в пыли.

Некоторые завсегдатаи бара уже смеялись в голос, но иностранец по-прежнему сидел с невозмутимым видом, как будто он рассказывал анекдоты и ждал именно такой реакции публики.

Болли поразило услышанное. Его семья не была религиозной. Сам Болли, хоть и допускал существование некоего Бога, но никогда не интересовался этим всерьёз. Слушая иностранца, он понял, что ни разу в жизни не задумывался о появлении мира и первых людях. Его кругозор ограничивался настоящим и только им. И вот непонятно откуда появляется человек в одном из тысяч баров большого города Тронхейма и поднимает такие необычные для этих мест темы. И это происходит не в каком-нибудь популярном, полном богатых туристов заведении, а именно в том баре, в который очень редко заходят чужаки. В баре с неприметной вывеской на окраине города. В баре, где по вечерам Болли Блом пьёт холодное пиво.

Болли внимательно вслушивался в тяжёлую для восприятия, корявую речь иностранца. Пытался не упустить ни единого слова. Он сконцентрировался настолько, насколько для него это вообще было возможно. Болли не слышал смеха, что раздавался со всех сторон до тех пор, пока иностранец не замолчал. Гость не подавал вида, что его расстроила реакция слушателей, но Болли понял, чем вызвана пауза в рассказе.

Блом развернулся к бородатому соседу, готовавшему во всё горло у него над ухом, и отвесил ему мощную затрещину.

Удар был настолько сильный, что бородач с грохотом свалился со стула вместе с кружкой пива. Раздался звон бьющегося стекла. Во все стороны полетели толстые осколки. Пиво, пенясь, растеклось по дощатому полу.

— А ну все заткнулись! Что вы услышали такого смешного?! — прорычал Блом, слезая с высокого барного стула. Он показательно размял увесистые кулаки, пощёлкивая суставами.

Воцарилась тишина.

Свалившийся со стула бородач вскочил на ноги. Его распухшее от алкоголя лицо покрылось багровыми пятнами, а глаза, подобно глазам быка, налились кровью. Несколько секунд он озирался, пытаясь понять, что произошло. Затем взгляд бородача остановился на Болли, и он двинулся в его сторону. Все, включая иностранца, замерли, наблюдая за происходящим. Через пару шагов бородач остановился. По-видимому, он рассчитывал, что кто-нибудь из посетителей попытается его остановить, дабы предотвратить драку. Но, судя по лицам, никто и не думал этого делать. А драться с полоумным Бломом было абсолютным безумием. Бородач постоял, переминаясь с ноги на ногу, после чего нервно схватил пальто и, ни на кого не глядя, покинул заведение.

Дверь захлопнулась, и бар вновь ожил. Все сделали вид, что ничего не произошло. Над рассказчиком уже больше никто не смеялся.

Болли подошёл к иностранцу и сел на соседний стул:

— Я не очень понял. Выходит, это... если типа змеи ползают по земле из-за того, что они наказаны, то раньше они могли ходить?

Иностранец посмотрел на Болли, затем перевёл взгляд на кружку пива. Сделал большой глоток и вновь поднял

глаза на собеседника. По его лицу сложно было понять, о чём он думает. Но Болли показалось, что иностранец обрадовался проявленному интересу.

— Нахаш, — тихо произнёс иностранец, так, чтобы его мог слышать только Болли. — Такое еврейское слово. Его использовать для идентификация Змея, который появляться в книге Бытия в Эдемский сад. Змей — обманчивый существо, который способствует делать то, что запретил Бог, и проявлять особый хитрость в Его обмане. Змей обладает способностью говорить. Змей хитрее всех, кого создал Господь. Хоть в Книга Бытия и нет указаний, что Змей мог ходить на двух ногах, всё же так следует понимать.

После той встречи с иностранцем Болли часто мучили странные сны. Он видел в них белое дерево, огромного Змея, стоящего рядом на человеческих ногах, и лежащую под деревом Еву, вокруг которой разбросаны гнилые яблоки и покрытые плесенью хот-доги. Он не чувствовал во сне запаха, но был уверен, что протухшие хот-доги страшно смердят, заполняя ужасным зловонием райские кущи.

Тебе же говорили, без горчицы, Болли! Никакой горчицы!

В этих снах Змей всегда молчал. Но Болли догадывался, каким может быть его голос.

И вот что-то происходит... Вроде, это было падение. И кто-то начинает говорить с ним змеиным голосом, которого он ни разу не слышал. Может, это и есть Нахаш — древний Змей, описанный в Книге Бытия? Та самая змея с потёртым землёй и камнями брюхом, что обречена вечно ползать в пыли?

Неожиданно его воспоминания прервала мысль: «Я мёртв».

Спасибо, что без сдачи...

БЕЗЫМЯННЫЕ

Стояла тишина. Ничего не происходило. Только осторожно и медленно, словно иссякающий ручеёк, текло время, недоумевающее, как и зачем оно оказалось в этом странном и зловещем месте.

«Как жаль, что поблизости нет иностранца, — подумал Болли. — Вероятно, он бы смог объяснить, что происходит».

— *Что именно тебе не ясно?*

Номер Три не хотел отвечать. Он всё ещё представлял, что рядом с ним затаилась невиданных размеров змея, которая может в любой момент наброситься на него и сожрать. И это зависит от того, ответит он ей или нет.

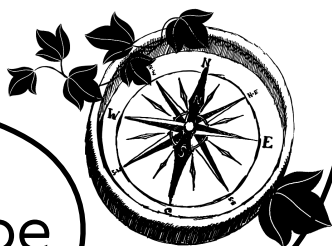
«Молчать. Нужно молчать!» — убеждал себя Болли. Но змея и не настаивала на ответе. Нахаш молчал. А Болли Блом думал о жизни. Он ещё не был готов окончательно расстаться с ней. Какая-никакая, а она ему нравилась. Но он боялся, что Змей попытается обмануть его, как когда-то обманул Еву. Он в мельчайших деталях помнил рассказ иностранца о Змее, который лишил людей Рая. О хитром и гнусном Змее по имени Нахаш.

— *Хорошо, Номер Три. Ты сделал свой выбор...*

Эти слова внушили Болли настоящий ужас. Он подумал, что останется один, навечно заточённый в черноте. И быть может, он упускает единственный шанс выбраться отсюда. Маловероятный, но всё же шанс. Тем более сейчас он явно был не в Раю, которого ещё при жизни так страшился лишиться. Терять, по сути, было совершенно нечего. Возможно, у него действительно есть выбор. Болли совсем запутался. Он не знал, какое решение является правильным. Сейчас или никогда.

— Подожди!

Номер четыре

Пьянящий запах джунглей таил в себе что-то необыкновенное. Нечто более нигде недоступное. Осунувшиеся, сторбленные под тяжестью массивных крон дерева от самых корней были укутаны десятками различных вьюнов. Они напоминали застывшие в случайных позах человеческие фигуры, облепленные листвой и мхом.

Проводник Зайна Мбиа вдыхала наполненный тысячами ароматов влажный воздух тропического леса и думала о том, как приятно вновь оказаться в родной стихии.

Группа из восьми человек медленно пробиралась сквозь густые заросли. Люди наслаждались каждым мгновением в этом диком и таинственном месте.

Туристы с интересом рассматривали вечнозелёные растения с цветами и крупными листьями. Их тонкие ветви изящно переплетались между собой и ниспадали к земле вместе с лианами, обвивая деревья, покрытые густым ярко-зелёным лишайником.

Стрекот насекомых, звонкие трели птиц, далёкое рычание зверей, шелест листвы и множество других звуков сливались

в единую нескончаемую и прекрасную музыку — симфонию джунглей. Создавалось впечатление, будто есть некто, управляющий мощным звучанием этого оркестра, — невидимый дирижёр из лиан и древесной коры, держащий в руках стебель цветка баобаба.

Стройная и гибкая девушка-проводник легко преодолевала препятствия на пути, а затем помогала туристам. Зайне нравилось, что в отличие от других экскурсий в джунглях не приходилось много говорить. Тишина нарушалась только редкими вопросами: «Что это такое?» или «Оно опасное?» Остальное время туристы наслаждались путешествием молча.

Сегодня группа состояла из восьми человек, и это казалось Зайне странным. Обычно было десять: в целях защиты животных закон Уганды запрещал туристические походы по джунглям в большем составе. Спрос на экскурсии был высоким, и туристические компании всегда формировали максимальные по численности группы: семь гостей и три проводника (гид и два охранника). Сегодня же туристов было только пять.

Шум воды отвлёк Зайну от мыслей. Проводник объявила, что впереди группу ждёт первая остановка.

Это место неслучайно использовалось для привала. Яркоголубая вода, искрясь на солнце, скатывалась по большим коричневым валунам, поросшим зеленью, и падала в наполненное булыжниками неглубокое озеро. Камни выглядывали над поверхностью воды словно кочки.

В тот день над озером расстился лёгкий туман. Плескались светло-зелёные лягушки, вокруг водоёма собралось множество птиц. Среди них можно было увидеть больших синих турако с забавным хохолком на голове в виде веера,

белоснежных цапель с остроконечными клювами, бакланов, марабу, ибисов и других африканских птиц.

«Восемь...» — продолжала размышлять Зайна. Сидя на берегу озера, она разглядывала в воде своё отражение. Девушка распустила длинные чёрные волосы, а затем вновь собрала их в тугий хвост. На душе вдруг стало тоскливо непонятно почему. Зайна закрыла глаза, стала вспоминать события своей жизни, пытаясь ощутить, какие из них вызывают у неё беспокойство, но так и не нашла причину.

Девушка смотрела на воду и вдруг у подошвы своего сапога заметила цветок, похожий на колокольчик. Аккуратно сорвав его тонкими пальцами, проводник провела нежными лепестками по губам, поднесла к носу и вдохнула аромат.

«Восемь», — вновь подумала Зайна.

С детства её увлекали числа и их значения. Как-то ей довелось прочесть одну книгу. В ней обсуждалась гипотеза, которая возникла ещё во времена Пифагора. В основу гипотезы была положена мысль, что числа имеют тесную связь с действительностью. А действительность может выражаться через цифры, имеющие определённое значение.

Так Зайна надолго и всерьёз увлеклась нумерологией. Но, достаточно углубившись в изыскания о цифрах, она отвергла это учение. Причиной стали не столько разного рода доказательства, указывающие на то, что нумерология — лженаука, сколько явные несоответствия теории и жизни.

При этом у Зайны сложилось собственное мнение о числах и их значениях. Она верила, что случайности не могут быть случайными. Проводник всегда крайне внимательно относилась к знамениям и своей интуиции. Зайна на собственном опыте убедилась, что действительность и в самом деле может выражаться через числа. А порой только это и делает.

Зайна не была религиозной, но при этом верила в существование силы, что оказывает влияние на её жизнь. Проводник не могла до конца понять, как это работает. Также она не понимала природы своих талантов, одним из которых была удивительная способность ориентироваться на местности.

Когда-то ещё ребёнком Зайна оказалась в джунглях Уганды совсем одна. Родители взяли её с собой, чтобы дочь полюбилась природой, и девочка потерялась. Зайна лишь помнила, что мама и папа были рядом, но в следующее мгновение её уже окружали только чёрные стволы деревьев. Девочка подумала, что никогда не выберется из чащобы. Мама рассказывала ей ужасные истории об исчезновении детей в джунглях. Зайна знала, что, как только стемнеет, на охоту выйдут хищники. Огни страшных глаз неведомых животных, казалось, уже преследовали её, но звери пока не решались напасть.

Девочка долго звала родителей. Но джунгли заглушали её крики своим непрекращающимся концертом.

Тогда маленькая Зайна закрыла глаза. Она уже готовилась к страшной смерти, но вдруг ощутила странное спокойствие. Девочка поняла, что знает, куда идти. Её родители были совсем близко. Зайне показалось, что она слышит их голоса, как они в отчаянии ищут её и зовут. Ветви кустарников и деревьев расступались перед ней, словно указывая путь.

Зайна так и не поняла, как она нашла родителей. С тех пор её не покидало чувство, что она часть огромного тропического леса. Став проводником, Зайна всегда с абсолютной точностью выбирала необходимое направление и ни разу не ошиблась. Коллеги говорили, что у неё в голове компас, стрелка которого указывает ей путь даже в самых далёких уголках джунглей.

Привал закончился, и группа вновь нырнула в дебри тропического леса. Заросли стали гуще. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь плотную листву.

Зайна ловко пролезла под стволом свалившегося дерева и не заметила, как ей на спину *что-то* упало. Она выпрямилась и стала помогать туристам преодолевать препятствие.

«Восемь», — число всё крутилось у неё в голове, как приевшаяся песня.

Проводник вспоминала все значения, с которыми могла быть связана эта цифра. Перевернутый символ бесконечности. Количество планет в Солнечной системе. Восемь лап...

— Паук!

Зайна обернулась и увидела круглые от ужаса глаза мужчины. Его дрожащий палец указывал на неё. Проводник повернула голову, и тут что-то острое, твёрдое и смертоносное вонзилось в шею. Тело выгнулось от пронзающей боли.

Зайна хотела закричать, но из груди вырвался лишь тихий стон. Огонь забрался под кожу и начал растекаться по телу. Сердце сильно забило, и Зайна опустила на землю.

Туристы запаниковали и стали оглядываться в поисках ещё возможной угрозы. Они о чём-то обеспокоенно говорили на непонятном языке и постоянно перебивали друг друга.

Мужчины-проводники подбежали к Зайне. Их рты открывались, но Зайна ничего не слышала.

Мир расплывался перед глазами. Единственное, что видела проводник, как её убийца медленно забирается на то же самое место, откуда совершил нападение. Восемь тонких лап поочередно цеплялись за кору дерева, поднимая толстое брюхо, заполненное огнём смерти.

На месте укуса образовалась шишка. Она пульсировала. Боль становилась сильнее, а тело будто наполнилось углями, раздуваемыми порывами ветра. Одежда насквозь промокла от пота.

Зайна провела ладонью по глазам, стремительно теряющим зрение. Туристов уже не было. С ней остался только один из проводников.

— Зайна! Зайна! Ты как? Вот вода. Пей. Тебе нужно как можно больше пить! И не двигайся! Скоро мы отнесём тебя в машину!

Зайна взяла протянутую бутылку. Сделала глоток воды, но её тут же стошнило.

— Он хочет есть, — прошептала в бреду Зайна. — Он всегда голоден...

Её голова упала на землю, тело забилося в судорогах, началась агония. Стройная фигура и небольшой вес, которыми Зайна гордилась, теперь обернулись против неё. Пульсирующая, обжигающая боль распространилась с шеи по всему телу. Пальцы сжались в последней попытке ухватиться за жизнь.

Восемь.

Вот о чём её пытались предупредить, но она не поняла.

Роковое число, таящее в себе смерть под видом бесконечности.

Лёжа на земле, Зайна смотрела перед собой и наблюдала, как лучи солнца пытаются пробиться сквозь густые заросли. Как ветер качает кроны деревьев, и птицы перелетают с ветки на ветку. И это было последнее, что она видела, хотя её глаза так и остались широко открытыми.

* * *

Удивительная, необъяснимая способность Зайны ориентироваться в пространстве впервые подвела её. Невзирая на непроглядную тьму, окутавшую джунгли, проводник продолжала движение. Она пыталась найти нужное направление. Или, скорее, почувствовать. Но у неё ничего не получалось. Её рассудок полностью захватил страх.

Впервые в жизни Зайна оказалась абсолютно дезориентирована. Она испытала то же самое чувство отчаяния, как тогда, в детстве, когда осталась в джунглях совсем одна. Проводник боялась, что верное шестое чувство погибло вместе с укусом паука. Голова шла кругом! Все ощущения спутались. Зайне казалось, что она бежит по узкому мосту, подвешенному над пропастью, и рискует в любой момент сорваться. Но если она прекратит движение, то падение неизбежно.

Зайна пыталась понять, по какой причине её могли оставить одну в джунглях в бессознательном состоянии. Почему коллеги бросили её и не вернулись? Волнение, граничащее с отчаянием, не давало думать.

Одно проводник знала наверняка. Ей нужно найти путь *обратно*. Но всё-таки что-то было не так... Зайна никак не могла понять, сколько сейчас времени. Её внутренние часы дали сбой, а стрелка воображаемого компаса исчезла вовсе.

Зайна бросила попытку что-либо разглядеть. Ей было страшно и холодно. Проводник не узнавала эти места. Это были не те джунгли. Не её джунгли.

Только сейчас Зайна осознала, что до сих пор она не уловила ни единого звука: ни пения птиц, ни стрекота насекомых, ни даже шуршания листвы под ногами.

Зайной окончательно овладел ужас. Она начинала осознавать, что из этого места, где бы она сейчас ни находилась, выхода нет. Видимо, ядовитое жало восьминогой твари отправило её слишком далеко. Настолько, что *обратного* пути уже нет.

«Но я же жива...»

В этот момент Зайна услышала Голос.

Голос, которому никогда и ни при каких обстоятельствах не следует отвечать, — шёпот коварного незнакомца, убеждающего ребёнка открыть дверь.

Утраченное шестое чувство на мгновение вернулось. Оно немислимым образом прорвалось из мира живых, чтобы в последний раз помочь своей хозяйке. Предостеречь её, прежде чем окончательно сгинуть. Оно возопило что есть мочи и бессильно кануло в бездну, поверженное чьей-то могучей волей. Но теперь проводник знала: Голос пришёл за ней. И она в опасности. Она в страшной опасности.

Тем временем Голос повторил:

— *Приветствую тебя, Номер Четыре.*

«Не отвечать, не отвечать».

Зайна не могла найти иного выхода из ситуации. У неё не осталось других средств защиты, кроме как...

— *Приветствую тебя, Номер Четыре.*

«Не отвечать, нельзя отвечать».

У Зайны отняли всё. Жизнь, тело, даже её интуицию. Остался лишь страх. Ощущение огромной опасности. Но Голосу, она понимала, необходимо сожрать всё до последней крошки.

ИГОРЬ ОЗЁРСКИЙ

Он всегда голоден...

— Приветствую тебя, Номер Четыре.

«Что угодно... только не отвечать. Не отвечать...»

Но она ответила.

Не сразу...

Прошло время. Много времени. Очень много: столько, что Зайна уже начала забывать, по какой причине твердит одни и те же слова. И когда время и пространство стали для неё единым целым, а движение и состояние покоя перестали иметь различие, в тот момент, когда чернота представилась Зайне чем-то обыденным, привычным и абсолютно нормальным, а память утратила даже малейшее представление о том, что с ней было, и о чём бы то ни было, вновь прозвучал Голос:

— Приветствую тебя, Номер Четыре...

Номер пять

На подходе к заброшенному поселению рав-серен¹ Армии обороны Израиля Хаим Кац передал по рации, что необходимо снизить скорость и продвигаться крайне осторожно. По последним разведанным, где-то здесь находятся туннели террора, пролегающие глубоко под землёй, — сеть бункеров и коридоров, по которым незаметно передвигаются террористы. Задачей отряда Хаима Каца было найти такие туннели и уничтожить их.

Хаим жестами показал солдатам занять боевые позиции. Сам укрылся за полуразвалившейся каменной стеной, которая осталась от некогда жилого здания. Рав-серен проверил оружие. Убедившись, что оно находится в боеспособном состоянии, спецназовец перетянул штурмовую винтовку тавёр со спины на грудь. Сняв автомат с предохранителя, Хаим двинулся вперёд.

¹ Рав-серен — воинское звание военнослужащих сверхсрочной службы Армии обороны Израиля. В современной армии Российской Федерации соответствует воинскому званию «майор».

Хаима окружали занесённые песком руины. Здесь и на много миль вокруг на поверхности не осталось практически ничего живого: лишь редкие кустарники, несколько видов особо ядовитых скорпионов и их добыча.

Всё было спокойно.

Отряд во главе с командиром рав-сереном Кацем, который исполином возвышался над остальными, миновал бывшее поселение. Перед военными вновь простиралась голая пустыня: одинокая и бесконечная, обрывающаяся лишь у линии горизонта.

Хаим ощутил тревогу. В голове заработал древний механизм — чутьё, доставшееся ему в наследство, по мнению военного, от неандертальцев, которым оно было необходимо для выживания в диком мире.

Рав-серен не мог с точностью определить, что именно вызвало ощущение беспокойства, но чутью он привык доверять. Не теряя времени на сомнения и раздумья, Хаим жестами указал отряду занять позиции. Спецназовцы моментально стали искать укрытие среди руин. Рав-серен бросился к ближайшей стене. Как только его тело скрылось за каменной кладкой, раздались выстрелы.

Интуиция вновь не подвела, но времени гордиться этим не было.

Зашипела рация, Хаим схватил её и поднёс к уху.

— Глыба, приём! Говорит Опоссум! Как слышно?

Рав-серен подтвердил связь.

— Хамасские крысы устроили засаду! — проскрипел голос друга из рации. — Видно, ждали, пока мы пройдем. Суки! Чтоб их... Всегда нападают со спины. Путь к отступлению отрезан! Связь с базой отсутствует...

«Вот тебе и интуиция», — подумал Глыба и усмехнулся. Только в этом смешке не было ни единого намёка на веселье. По всей видимости, он и семеро его боевых товарищей уже никогда не выберутся из этого места и станут новыми жителями этого славного города мёртвых.

— Приём, говорит Глыба! Как слышно? Отзовитесь каждый!

Из рации стали по очереди доноситься голоса. Когда все члены отряда откликнулись, Хаим продолжил.

— Туннели террора точно где-то здесь, иначе нас не смогли бы атаковать сзади. Начинаем зачистку территории. Задача — найти и уничтожить туннели. И... не подставляйтесь!

— Не переживай, брат, — ответил через рацию Опоссум. — Нас точно никто не грохнет. С этим можем справиться только мы сами!

— Не занимать волну! — отчеканил рав-серен, но улыбка тронула его лицо.

Тем временем звуки выстрелов становились всё чаще и громче: боевики приближались. Рав-серен услышал, как несколько пуль попали в стену, служащую ему укрытием.

Хаим закрыл глаза и глубоко вздохнул. «*Восемь, семь, шесть*», — шёпотом начал считать Глыба. На счёт «один» рав-серен вступил в бой.

* * *

Хаим Кац не мог точно сказать, сколько времени длилась перестрелка. В какой-то момент всё резко стихло. Хаим выглянул из укрытия. Никого. Встретившись взглядом с Опоссумом, Глыба увидел, что тот даёт сигнал: впереди чисто.

Короткими перебежками, прикрывая друг друга, отряд продвигался в глубь разрушенного городка. По пути рав-серен видел растянувшиеся на земле тела террористов. Хаим подумал, что каждое его появление знаменуется смертью.

В какой-то мере рав-серен был прав. Смерть уже давно нашла себе убежище внутри могучего тела человека-гиганта. Она выглядывала из его глаз, вылетала из дула его автомата, пряталась в раковых клетках, о которых Хаим пока и не подозревал.

Смерть ещё при жизни одарила своего избранника тем, что остальные получают лишь на закате дней: болью и одиночеством. Хаим служил в армии не из-за того, что испытывал патриотические порывы или чувство долга перед своей страной. Всё это было чуждо Хаиму, как и вообще любое состояние привязанности. С детства он не был сильно зависим от родителей. Он не был женат и никогда никого не любил по-настоящему, по крайней мере, в границах его представлений об этом чувстве. Хаим легко сходился и расставался с друзьями... Если он вообще мог так называть тех людей.

Единственными близкими для него становились сослуживцы. Но и их жизнь уносила в разные стороны подобно тому, как ветер разносит по земле сухие листья. А смерть тем временем через глаза своего носителя отмечала суженых и, когда наступало время, уводила их в свои тихие и мрачные покои. Хаим узнавал об этом по-разному. Иногда видел лица умерших друзей в новостях. Порой ему приходили печальные письма. Несколько раз звонили общие друзья. А спустя время он и их имена встречал в некрологах.

Смерть уже давно заняла просторные апартаменты в душе великана. Он чувствовал это, но не страшился. Безразличие, с которым Хаим воспринимал смерть, обесцветило его глаза, губы и волосы, придало коже серый оттенок и сделало её грубой, толстой и шершавой.

Хаим был очень большой, но очень мало места занимал в человеческих сердцах. В свою очередь, рав-серена это особо не беспокоило. Он использовал свою жизнь как умел и тратил её на то, что считал правильным. Военное ремесло было ему по вкусу. Хаим иногда задумывался, что, вероятно, он родился слишком поздно. Его время ушло вместе с рыцарями, копьями, лошадьми и доспехами.

Возможно, он древний исполин, заброшенный по ошибке в будущее, где, на его беду, главенствует не сила, а разум. Будущее настолько далёкое, что палицы и каменные топоры сменились ракетами и пулемётами. Его великая мощь и непревзойдённая сила, руки, способные разорвать пасть саблезубому тигру, не имеют никакого значения в мире, где один атом может уничтожить город, а нажатие кнопки — планету. Архаический великан в эпоху нанотехнологий, субатомных частиц, микропроцессоров и сверхзвуковых скоростей выглядит так же нелепо, как гризли на велосипеде посреди цирковой арены.

Единственное место, где Хаим Кац видел сам себя, — здесь. Посреди голого раскалённого песка, простирающегося на многие мили. Под неиссякаемыми лучами далёкой, но такой горячей звезды. Окружённым руинами и засадами террористов. С автоматом в руках и ощущением приближающейся смерти. На рубеже тысячелетий: недостижимого и непостижимого для него будущего и такого знакомого и желанного первобытного жестокого времени.

* * *

Вновь раздались выстрелы. Спецназовцы заняли боевые позиции и открыли ответный огонь.

В одном из домов Хаим заметил промелькнувший человеческий силуэт. Приглядевшись, рав-серен отметил, что

это здание сохранилось лучше остальных: лишь одна стена немного пострадала. Она обрушилась в том месте, где, по всей видимости, когда-то находилась дверь. Чутьё подсказывало, что именно там один из входов в туннели террора.

Через мгновение спецназовец оказался у здания. Кац потянулся к гранате, но остановился. Если произойдёт взрыв, наверняка вход будет завален, но сам туннель уничтожить не выйдет. Рав-серен вскинул винтовку и зашёл внутрь.

Боевик, оказавшийся ближе всего, отлетел к противоположной стене, прошитый пулями. Загрохотали ответные выстрелы. Хаим укрылся за каменным выступом и стрелял короткими очередями, стараясь не высовываться. Патронов для тавора оставалось немного. Пули боевиков свистели со всех сторон.

Хаим вышел из укрытия навстречу нападающим и, словно кеглю, ударом ноги сбил ближайшего боевика. Террорист отлетел назад и при падении повалил ещё двух. Рав-серен вскинул тавор и выпустил последние патроны.

Из-за угла возник ещё один боевик. Дуло его автомата уткнулось в грудь Хаима. Но прежде чем террорист успел нажать на спусковой крючок, спецназовец молниеносным движением вырвал оружие из его рук. Схватив боевика за ворот, Глыба нанёс удар головой. Тело террориста обмякло и повисло на руке рав-серена.

Удерживая бесчувственного боевика, Глыба выставил его перед собой в качестве щита. Используя плечо террориста как опору для его же автомата, Хаим двинулся внутрь дома.

Спецназовцу потребовалось около трёх минут, чтобы полностью зачистить здание. После этого Хаим тщательно обыскал помещение и убедился, что в живых никого не осталось.